

Vadja keele sõnaraamat. Vad'daa tšeelee sõna-tširja. Словарь водского языка. 2., täiendatud ja parandatud trükk. 1. trüki toimetanud Elna Adler, Silja Grünberg, Merle Lepik. Peatoimetaja Valmen Hallap. 2. trüki toimetanud Silja Grünberg, Tallinn, Eesti Keele Sihtasutus, 2013. 1824 c.

Не так давно Институт эстонского языка опубликовал крупный словарь водского языка (СВЯ), первое издание которого в семи томах увидело свет в 1990—2011 гг. На двух титульных листах помещены сведения об издании на трех языках — эстонском, водском и русском. К сожалению, «дополненное и переработанное издание» порусски не совсем точно — это дополненное и и с п р а в л е н н о е издание.

Рецензируемая работа представляет собой академический словарь, материал словарных статей которого записывался начиная с последней четверти XVIII века на всех диалектах водского языка — по традиционной классификации, это западный, восточный и куровицкий диалекты в Ингерманландии и вымерший в XIX веке кревинский диалект на территории Южной Латвии.¹ В наше время последним ареалом распространения водского языка, точнее его западного диалекта, являются две деревни (Краколье и Лужицы) на берегу Финского залива. В тексте на обложке отмечено, что на водской земле по-водски говорят 68 человек. Это не совсем так: столько носителей языка, согласно последней переписи населения, проживают в Российской Федерации в целом. По последним данным вотолога Тартуского университета Хейнике Хейнсоо, в названных деревнях водским языком владеют активно четверо и пассивно тоже четверо пожилых вожан (Heinsoo 2014 : 402).

Составление и публикация такого большого словаря прошли длинный и трудоемкий путь. Можно выделить

¹ Рецензент предпочитает вместо понятия *западный диалект* использовать *котельский* и *кракольский* диалекты, а вместо *восточный диалект* — *копорский* диалект (см. Ernits 2005).

несколько периодов. В предисловии ко второму изданию сказано, что предистория СВЯ начинается с 1930-х годов, когда в Тартуском университете приступили к созданию картотеки водского языка. Истоки же уходят в 1783 год — тогда нарвский пастор Фридрих Лудольф Трефурт открыл водь для науки. Кроме слов одной из записанных народных песен, он впервые опубликовал отдельные апеллятивы: *Neida* 'колдун; ведьма' (в оригинале: 'Hexenmeister'), *Obros* 'икона, образ', *tšhümmene* 'десять', *tšhülmne* 'холодный', *tšhündele* 'свеча', *Tschiriku* 'церковь', *Tschelle* 'колокол; бубенец; колокольчик' (Trefurt 1783 : 15, 21; 1785 : 94, 107). К концу XVIII века относятся и первые попытки составления списка водских слов с переводом по просьбе энциклопедиста Петера Палласа и литератора Федора Туманского.

Идея СВЯ созревала десять лет (1949—1959). Автором ее был академик Пауль Аристэ, много сделавший для вотологии, в том числе по сбору лексического материала. Он записал 44 100 карточек — пятую часть словарного корпуса водского языка. В 1957 году сектор финно-угорских языков Института языка и литературы АН ЭССР создал свою картотеку водского языка, которая через четверть века включала 204 300 карточек. Картотека содержит материалы всех собирателей и выписки из опубликованных источников. В том же 1957 году детально обсуждались принципы составления СВЯ.

Работа над рукописью началась в 1959 году. Главными редакторами издания были заведующие сектором финно-угорских языков П. Аристэ (1959—1961) и Валмен Халлап (1961—1980). К сожалению, позже словарь фактически остался без главного редактора. Рукопись первого тома была готова через

20 лет, т. е. в 1980 году. Однако прошло еще 10 лет, пока первый том увидел свет, и 20 лет, когда весь словарь был опубликован. О трудной истории составления СВЯ рассказано в обстоятельном предисловии ко второму изданию, написанном Эстой Прангел. Когда рукопись была уже готова, в Финляндии стали выходить словари отдельных диалектов, в том числе Куровицкого, говора деревни Подмошья (копорский диалект) и кракольского диалекта, точнее идиолекта образованного вожанина Дмитрия Цветкова (Posti 1980; Kettunen 1986; Tsvetkov 1995).

За предисловием на эстонском и русском языках к первому (с. 9–15) и второму изданиям (с. 17–29) следуют очень подробное введение на двух языках (с. 31–89), расшифровка сокращений на двух языках (с. 90–91), список рукописного материала и литературы (с. 92–93), карта водских деревень по состоянию на 1850 и 1915 годы и на конец XX века (с. 94), а также список водских топонимов на двух языках, включая использованные сокращения названий деревень (с. 95). Деревни традиционно делятся на западно- и восточноводские, причем Куровицы (*Kukkuzi*) по ошибке оказалась в списке восточноводских деревень. Для удобства было бы желательно, чтобы сокращения названий деревень размещались вместе с другими сокращениями. В библиографических описаниях ряда литературных источников не отмечены серия и номер тома.

Введение к СВЯ является очень существенной частью работы, поскольку в нем детально описаны принципы составления словаря и правила пользования им. Прежде всего составители договаривались о передаче материалов, записанных разными людьми по-разному. Сначала предполагалось воспользоваться довольно сложной финно-угорской транскрипцией, однако в условиях слабой типографской базы времен советской оккупации пришлось упростить написание настолько, что транскрипция практически уподо-

билась нормированной орфографии молодого водского литературного языка.² При этом составители отказались от не свойственных литературному языку транскрипционных символов и большинства диакритических знаков, а также коартикуляционных, спорадических и индивидуальных фонетических вариантов.

Отдельные заглавные слова базируются на словах разного происхождения и с различными деривационными суффиксами. В водском языке подчас проблематично определение сложных слов, в частности генитивного сложения, что затрудняет выбор заглавных слов. Два слитно написанных слова на карточке в словаре считаются сложным словом и даются как заглавное, а два раздельно написанных слова — как словосочетание. Так, *meri-altiaz* 'морской водяной', *meri-hätä* 'кораблекрушение', *merilintu* 'морская птица' и др. в СВЯ даны заглавными словами, а *meri sää* 'шторм на море', *meri kala* 'морская рыба', *meri lintu* 'морская птица' отнесены к словарной статье *meri* 'море'. При этом ясно, что два рядом стоящих существительных обязательно образуют композиту, если первое из них в номинативе.

Заглавное слово имеет форму номинатива единственного числа для существительных и форму первого (*t-овый) инфинитива для глаголов, как в словарях финского языка. Фонетические варианты собраны в словарные гнезда под общим заглавным словом. Однако часто работа со словарем усложняется тем, что некоторые варианты встречаются только в словарном гнезде, но не как заглавные слова со ссылкой на словарное гнездо. Так, в гнездах *iiri* ~ *hiiri* 'мышь', *tšesä* ~ *kesä* 'лето' и др. для *hiiri* и *kesä* заглавные слова отсутствуют. В таких случаях

² Как известно, на водском литературном языке до сих пор изданы два сборника сказок, настенный календарь, маленький альбом для раскрашивания (Vađđa kaazgõt 2004; Предания и сказки водского народа 2009; Vađ'da krazgöttavõ 2010; Vađ'da päivüzikko 2010).

следует обращаться к введению (с. 38), где описаны все возможные случаи образования словарных гнезд. При этом довольно часто (особенно в русских заимствованиях) нужно учитывать одновременную вариативность нескольких звуков, что затрудняет поиск нужных лексем. Существенны при этом, конечно, звуки начальных слогов.

Одобрения заслуживает принцип, по которому заглавным выбиралось слово говора деревни Котлы (*Kattila*), а из-за специфики копорского и куровицкого диалектов предпочиталась форма западноводского типа. Так, в качестве заглавного слова не подходят ни восточноводское *antaag* 'давать, дать', ни куровицкое *hall'siain* 'лесной, водяной, домовый) дух', а использованы *antaa* и *haltiain*. В таких случаях заглавное слово более древнее. При этом исключались вторичная геминация согласных, редукция непервых слогов, апокопа и т. д. Если соответствующий вариант в картотеке отсутствовал, составители реконструировали условное заглавное слово по образцу слов говора деревни Котлы. Между прочим, такие приемы можно с успехом использовать при создании новых слов литературного языка. Для заглавного слова приводятся также словоизменительные формы: генитив единственного числа для существительных, первое лицо единственного числа настоящего времени и первое лицо единственного числа имперфекта изъявительного наклонения для глаголов. Во введении подробно объясняются отклонения от этих правил.

За заглавным словом, его вариантами и словоизменительными формами следуют указания на места регистрации, т. е. сокращения названий деревень «расположены с учетом лингвогеографического аспекта» (с. 77) в определенном порядке: западноводские и восточноводские наречия, куровицкий и кривинский диалект. С точки зрения пользователя целесообразнее было бы их расположить в алфавитном порядке.

Далее даются переводы заглавного слова на эстонский и русский языки. В большинстве случаев соответствия корректны. Часто работа составителей восхищает удачным подбором эквивалентов, например, в случае редких этнографических понятий. Однако есть и переводы, которые следовало бы уточнить или даже изменить. Например, *pääkukkula* 'темя' и 'родничок'; в качестве примера дано *pää-kukkula on avõ* 'родничок открыт'. На деле же, понятие 'родничок' проявляется лишь косвенно. Данную фразу следовало бы перевести 'темя открыто', т. е. у ребенка роднички еще не срослись. Впрочем, в водском языке есть и специальные слова, обозначающие родничок: *lekama*, *läkenipaikka* и, вероятно, *letšen* (последнее отсутствует в регистрах). Эквиваленты вод. *tsapum* и *tsapputauti* в эстонском языке 'nõlg, nõletõbi, tatitaud, peataud (hobustel)' и в русском 'мыг, сап (у лошадей)', *saap* 'nõlg, nõletõbi, tatitaud (hobustel)' и 'сап (у лошадей)' не адекватны. И еще, значения 'nõlg, nõletõbi, peataud, мыг' и 'tatitaud, сап' нельзя давать через запятую, поскольку это не синонимы, а названия разных болезней.

Заглавные слова проиллюстрированы. При этом часто используется фольклор, а также словосочетания и фразеологизмы. Предложения содержат интересные сведения из жизни и истории воды, оценки и др. Этот материал на русский язык не переводится. Примеры сопровождается название деревни или имя автора. К сожалению, составители не всегда делали это в отношении извлечений из картотеки Д. Цветкова.

В конце словарной статьи — ссылки на сложные заглавные слова и на все заглавные слова, похожие в фонетическом или семантическом плане. Кроме того, в СВЯ применяются отсылочные заглавные слова, которых могло бы быть значительно больше. В конце введения объясняется использование знаков препинания и символов.

Словарь демонстрирует удивительное лексическое богатство водского языка. Возникает вопрос, отражена ли

в нем вся лексика, зарегистрированная в течение двух столетий? Кажется, к сожалению, нет. Видимо, потери не очень заметны. При составлении словаря часто используется труд Густава Рянка по водской этнологии (Ränk 1960), но не обнаружено следов работы другого этнолога Ильмара Талве (Talve 1981). Оба участвовали в одной экспедиции к воде летом 1942 года, причем собирали материал по разной тематике (Talve 1990 : 50). И. Талве вел опросы на всей территории распространения водского языка, кроме деревни Куровицы (*Kukkuzi*) (24 информант). Куровицкий материал от шести жителей он почерпнул из записок Э. А. Виртанен 1944 года. Записки И. Талве часто не точны в орфографическом плане (в частности, смычные и шипящие). Однако это обстоятельство не могло послужить препятствием для включения в СВЯ, поскольку неточности есть и у Г. Рянка. Труд И. Талве содержит ценную этнологическую лексику.

В СВЯ отсутствуют следующие простые слова: *gladavtšik* 'амбарщик' (2.1; I 2.2.3),³ *guusla* 'гусли' (I 5.1), *kek-sa* 'орудие для отделения бересты от ствола березы' (4.1), *krupša* 'зазубрина' (Lu 3.4.1), *kuzovka* 'маленькая ручная пила' (I 4.2.5), *ledutška* 'фонарь' (M 4.9), *lutta* 'соска' (5.3; ср. *luttu* в СВЯ), *narodnikka* 'устройство для регуляции ширины зубьев пилы' (M 4.2.5), *or-muška* 'полоска пашни для одной семьи' (K 2.2.2), *patšiline* 'соединяющая часть передних и задних колес у телеги' (котельский диалект, 3.4.1), *razok* 'пастушья труба' (5.1), *ravanka* 'рубанок' (Kö? 4.2.5), *rubanok* 'рубанок' (I 4.2.5), *seBad* 'чаповицы дровней' (Kö 3.3.3), *sientsa* 'сени, сенцы' (Ku 2.4.2.4), *skvorin* 'шворень (болт, на котором ходит передняя часть телеги)' (котельский диалект; 3.4.1), *vada* 'трут' (4.9) и др.

³ Слова даны в неисправленном виде. Сокращения названий деревень те же, что в СВЯ. Из-за отсутствия нумерации страниц в Talvi 1983 в рецензии указаны номера глав и подразделов.

Некоторые слова у И. Талве имеют больше значений, чем приведено в СВЯ, например, *glatšina* 'день чистки пральница' (M 2.3.2; ср. *klattšina* в СВЯ), *gubka* 'трут' (4.9), *kokka* 'ходуля' (M 5.2), *koppõn* 'сенокос, на котором после уборки сена пасли животных' (K 2.2.2), *papalo* 'mundштук пастушьей трубы или свирели' (M 5.1), *postromkaD* 'постромки для прикрепления бревен к подсанкам' (3.3.2) и др. В функции единиц измерения не отмечены *kulakka* (M) 'кулак', *tšäsi* (K) 'рука' и *tšännärpää* 'локоть' (M, K, Kö; все 5.6).

В словаре отсутствуют сложные слова из труда И. Талве: *gribapärväkkä* 'щепная корзина для грибов' (4.2.2), *jõtši-niittü* 'луг у реки' (K 2.2.2), *kahsive-eriseD* 'двухколесные' (J 3.4.1), *katageruška* 'кружка с дном из можжевельника' (I 4.2.3), *kellekarakku* 'блок на подсанках' (3.3.2; в СВЯ *pakko*), *kokkakeppi* 'игрушки в виде посоха' (M 5.2), *marjapärväkkä* 'щепная корзина для ягод' (4.2.2), *omenapärväkkä* 'щепная корзина для картошки' (4.2.2), *perttipuita* 'дрова (партитив множественного числа)' (Ku 2.5.4), *pluugabašmak* 'башмак, подсошник' (Kö, Sa 3.4.4), *puutšäna* 'трут' (4.9), *päälauta* 'доска в передней части дровней' (M 3.3.3; в СВЯ 'доска, над которой искали и били вшей', *päällehiirsi* 'горизонтальный столб качелей' (M 2.3.3), *päävääzä* 'вяз в головяжках дровней' (3.3.2), *rakkotörö* 'волынка' (I 5.1, ср. там же *rakkopillii töröttää* 'играть на волынке', *raudtelši* 'железная ось' (котельский диалект; 3.4.1), *rihmaväkkärä* 'дощечка для плетения веревки' (Kö 4.3), *sväto-vesi* 'святая вода' (M 2.3.1), *to-hokuppi* 'посуда для хранения грибов' (I 4.1) и др.

В СВЯ есть только одно слово Lu *jalgasõn liitoz* (под *jalgaZ* и *liitoZ*), обозначающее удлиннение полоза, а у И. Талве пять названий из разных мест: *jalkopää* (Kö 3.3.3) ~ *pääjatko* (Kö 3.3.3) ~ *jalgahsõõ jatko* (Kö 3.3.3) ~ *liitospuu* (Lu 3.3.3) ~ *jatkopää* (Sa 3.3.4). Некоторые сложные слова имеют иное значение, чем в СВЯ, в том числе *tagaõtsa* 'орма (лодки)' (3.6.2; в СВЯ только 'задница'), *terävõ õtsa* 'нос лодки' (3.6.2; в СВЯ *terävõtsa* 'острие'), *tülp õtsa* 'кор-

ма (лодки)' (3.6.2; в СВЯ *tülpä öttsa* 'ту-пой конец').

Материал И. Талве свидетельствует о более широком распространении многих слов, чем СВЯ, например, *arssina* 'аршин' (I 5.6),⁴ *dabušnikka* (Kõ, Lu 2.4.2.6) ~ *tavušnikka* 'табунщик' (P 2.4.2.6), *eitsee* 'в ночную пастьбу' (Kõ 2.4.2.6), *eittsenikka* 'пастух в ночном' (Kõ 2.4.2.6), *esiteltši* 'передняя ось' (котельский диалект; 3.4.1), *gul'jänka* 'гулянье' (Pu 2.5.4), *isvoska* 'известь' (M 4.4), *kablaD* 'копылы дровней' (Kõ 3.3.3), *kalmõaiD* 'кладбище' (I 2.2.3), *kappa* в значении меры объема сыпучих тел (M, Pu 5.6), *karjuz tuli päiville* 'пастух получил одежду от хутора, где его кормили' (P 2.4.2.5), *kobra* 'горсть' (M 5.6), *konjuhha* 'табунщик' (K, Pu 2.4.2.6), *kukla* 'тряпичная кукла' (Kõ 5.2), *laid-zorpää* 'головня дровней' (M, Kõ 3.3.3), *lellä* 'игрушка' (M, Kõ 5.2), *mandalina* 'мандолина' (M 5.1), *progona* 'прогон, скотопробойная дорога' (K, Kõ, Ku 2.4.2.2), *purava* 'бурав' (Kõ 4.2.5; см. *burava*), *rospuskaD* 'четырехколесная телега' (K, Pu 3.4.1), *suurus* 'завтрак' (Kõ 5.4), *talkoot* (M 2.5.4) ~ *talkot* 'толока' (Ku 2.5.4), *uherti* 'бурав, сверло' (Kõ 4.2.5), *uurdõkuras* 'нож-уторник' (I 4.2.3, 4.2.5), *varnõd* 'вертикальные подпорки для увеличения высоты воза' (Kõ 3.4.2), *vo-oli* 'резак, скобель' (I 4.2.5).

В труде И. Талве встречаются некоторые лексемы других авторов, отсутствующие в СВЯ: *esiõtsa* 'передний конец' и *tsollu* (< *челн*) 'лодка-долбленка' (оба Sa 3.6.3) из статьи Самули Паулахарью, а также *režotka* 'трещотка из щепы' (K 2.4.1) из рукописи Виктори Алава. Обнаружилось, что не все слова из указанной литературы попали в СВЯ. Так, отсутствуют по Mägiste 1959 : 144 и 153 *sika* в значении некой игры (немецкое *Butterloch*) и *ver-kitõõ* 'без полового члена'. Может быть это слово не включено как возможное случайное заимствование? В СВЯ приводится *kaunid* 'красные' в значении 'коммунисты', а *punazõd* 'красные, ком-

мунисты' (Mägiste 1959 : 51) в том же значении отсутствует, хотя историческое *punanõ* 'красный' и сложные слова с компонентом *puna-* наличествуют.

Отсутствуют в СВЯ и некоторые водские слова, записанные Альмой Хаавамяэ (Haavamäe 1934) в беседе с известным информантом Григорием Кузьминым из Пумалиц (*Pummala*), например, *jätыз-mõila*⁵ 'остатки мыла' (с. 439), *kuolluu-luu* 'накостница' (441), *nippu-nigla* 'булавка с декоративной головкой' (440), *potšolkeka* 'венюк' (443), *rõsõtub* 'сыреет' (438; ср. *rõsi* 'сырость' в СВЯ). К тому же, в статье значительно больше водских слов, которые использовались в свое время и в Пумалицах, чем это указано в СВЯ: *einärihma* 'веревка для затягивания воза с сеном' (443), *kofta* 'кофта' (439), *kum-mallaa* 'ничком' (439), *lohana* 'лохань' (439), *munalõ* 'узел (вид прически)' (439; аллатив единственного числа), *nosovikko* 'носовой платок' (440), *nütšün* 'теперешний' (444), *pallõttunnu* 'в замерзшем виде' (437), *pahnuppäi* 'наизнанку' (438), *piurullaa* 'зажмурив глаза' (438), *soomõõ tšerikoo* 'лютеранская церковь' (443; родительный падеж единственного числа) и др. Пумалицкое *lõunattõtti* 'закусить, перекусить' (443; страдательный залог; в оригинале 'syõtiin') подтверждает верность соответствия *lõunattaa* 'einestada' в СВЯ.

Итак, в СВЯ включены не все записанные лексические богатства водского языка, упомянуты не все деревни, в которых отдельные слова зарегистрированы. Следовало бы еще раз просмотреть весь текстовый корпус языка, нужные слова выписать, составить дополнительные словарные статьи и опубликовать их в третьем, дополненном и исправленном издании или в приложении.

Самым существенным дополнением к словарю считаются русско-водский (с. 1624—1721) и эстонско-водский (с. 1722—1824) регистры, которые, по словам составителей, позволяют «воспользоваться словарем более широко-

⁵ Транскрипция примеров из Haavamäe 1934 упрощена; падежные и спрягаемые формы сохранены.

⁴ В данном абзаце сокращения названий деревень указывают только на отсутствующие в СВЯ места регистрации слов.

му кругу читателей» (с. 29). Регистры несомненно нужны и лингвистам. Однако в них обнаруживаются не все главные слова. К сожалению, не описаны принципы отбора. Х. Хейнсоо в своей рецензии отмечает, что содержание регистров не продумано и вместо пользы может нанести вред. Регистры содержат много ненужных слов (например, из народных песен, записанных в XIX столетии), сомнительную лексику, зарегистрированную от одного информанта, ряды гомотимных соответствий без комментариев и т. д. (Heinsoo 2014 : 400—402).

Дополнительные примеры. В эстонско-водский регистр включено слово *istmikuhelmed* 'набедренные бусы' с водским соответствием *kaattõri* 'набедренник'. Это значение встречается только в одном источнике и в СВЯ приведено под вопросом. Вряд ли пользователь словаря нуждается в нем. В русско-водском регистре даны пары соответствий с одинаковыми значениями *нанимать* [рабочих] — *palkata*; *вербовать* — *palkkoo* и в эстонско-водском регистре *palgata* — *palkata*, *palkkoo*, *võttaa*; *tõõle võtta* — *võttaa*. Рус. *нанимать*, как известно, полисемично, поэтому *üürida* — *palkata* (в части словника *palkattii opõzõd* 'нанимали лошадей') встречается только в эстонско-водском регистре. Без объяснений непонятно, например, *võttaa* 'брать, взятъ' (*õli võtõttu dabuõnikka* 'табунщик был нанят'). По той же причине излишни пары соответствий *линять* — *ajaa* (основное значение 'гнать'), *копать картошку* — *kaivoa* (основное значение 'копать') и др., так как они употребляются только с дополнением: *koira ajar karvaa* 'собака линяет', *sulkiiit ajata* 'линять (о перьях)'. Без пометы *фиг.* (*фигуральный*) не имеет смысла включать в регистр *выплата за работу* — *parakakku*, значение заработка у которого лишь переносное.

Ознакомление с регистрами наводит на мысль, можно ли вообще составить хорошо функционирующий краткий словарь в виде приложения. По мнению рецензента, пришло время на базе СВЯ составить эстонско-

водский и/или русско-водский словарь молодого литературного языка по совсем иным принципам и включить в него также лексику для обозначения современных реалий. Дialectной основой его не обязательно должен стать кракольский диалект с множеством ижоризмов, которым владеют только некоторые люди старшего поколения, а скорее котельский, обогащенный лексикой других диалектов. Недавно опубликованный первый учебник (самоучитель) водского языка, по словам его автора, стал результатом соединения разных говоров (Чернявский 2014 : 5); правда, в основе его все же лежит материал кракольского диалекта, а точнее — говор деревни Лужицы.

СВЯ — это несомненно достижение лексикографии Эстонии. Приведенные критические замечания отнюдь не умаляют ценность труда. И первое, и второе издания словаря иногда называют памятником водскому языку. Х. Хейнсоо писала: «Словарь действительно является памятником языку, младший носитель которого родился в 1938 году» (Heinsoo 2014 : 402). Э. Прангел добавила: «Таким образом готовый труд стал памятником не только исчезнувшему [!] водскому языку, но и усопшим составителям и редакторам словаря» (Prangel 2014 : 93). Рецензенту вспомнилось, что на собрании Общества родного языка в Тарту, в 1960-е или 1970-е годы, один известный славист и финно-угровед предложил прижизненно поставить памятник замечательной информантке Марии Борановой из деревни Матия (*Mati*). Академик П. Аристэ заметил: «В настоящее время составляется большой словарь водского языка, который станет истинным памятником водскому языку». Так и получилось.

Address

Enn Ernits
Estonian University of Life Sciences
E-mail: enn.ernits@emu.ee

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Предания и сказки водского народа. Vad'd'aa rahvaa jutud ja kaazgad, Санкт-Петербург 2009 (Фольклор коренных народов Ленинградской области).
- Черныявский, В. М. 2014, Самоучитель водского языка. Vad'd'a ceele izeõpõttaja, Москва.
- Ernits, E. 2005, Vadja keele varasemast murdeliigendusest ja hilisemast hääbumisest. — Võro Instituudi toimõndusõq 17. Piirikultuuriq ja -keeleq, Võro, 76—90, 183—184.
- Havamäe, A. 1934, Vätjalaisia kuolemaan ja hautaamisen liittyviä tapoja ja uskumuksia. — Vir., 435—447.
- Heinsoo, H. 2014, Monument hääbuvale keelele. — KK, 398—402.
- Kettunen, L. 1986, Vätjan kielen Mahun murteen sanasto, Helsinki (Castrenianumin toimitteita 27).
- Mägiste, J. 1959, Woten erzählen. Wotische Sprachproben, Helsinki (MSFOu 118).
- Posti, L. 1980, Vätjan kielen Kukkosin murteen sanakirja, Helsinki (LSFU XIX. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 8).
- Prangeli, E. 2014, Vadja keele mälestussammas. — Soome-ugri sõlmed 2013, [Tallinn], 93—98.
- Ränk, G. 1960, Vätjalaiset, Helsinki (SKST 267).
- Talve, I. 1981, Vätjalaista kanasankulttuuria, Helsinki (MSFOu 179).
- — 1990, Matka vätjalaisiin 1942. — Kalevalaseuran vuosikirja 69/70. Inkerin teillä, Helsinki, 46—66.
- Trefurt, F. L. 1783, Von den Tschuden. — Versuche in der livländischen Geschichtkunde und Rechtsgelehrsamkeit. Bd. 1, St. 5, Riga, 1—28.
- — 1785, Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden. — Versuche in der livländischen Geschichtkunde und Rechtsgelehrsamkeit. Bd. 2, St. 2, Riga, 89—122.
- Tsvetkov, D. 1995, Vätjan kielen Joenperän murteen sanakirja, Helsinki (LSFU XXV).
- Vad'd'a krazgõttavõ kirja (Книжка раскраска), [Санкт-Петербург] 2010.
- Vad'd'a päivüzikko 2011, Санкт-Петербург 2010.
- Vad'da kaazgõt. Водские сказки, Санкт-Петербург 2004.

ЭНН ЭРНИТС (Кюлитсе)